

Глава 6. Как и зачем Россия захватила Порт-Артур: события конца 1897 – начала 1898 гг.

6.1. Занятие или захват?

При обращении к теме Порт-Артура историки (Б.А. Романов, Ф.А. Ротштейн, А.В. Игнатъев и Г.В. Мелихов и др.), как правило, следуют схеме, изложенной в мемуарах непосредственного участника тех событий – министра финансов С.Ю. Витте¹. Тема Порт-Артура занимает важное место в воспоминаниях графа. Автор стремился подчеркнуть, что этот эпизод явился поворотным пунктом в дальневосточной политике России, когда инициированное им мирное, экономическое проникновение в Китай было грубо нарушено силовым захватом Ляодунского полуострова, на чём настоял министр иностранных дел М.Н. Муравьёв. Сохранение прежних отношений с Пекином стало невозможным, тем самым его курсу был нанесён непоправимый удар. Более того, мемуарист утверждал, что эта аннексия стала «первым шагом» к русско-японской войне².

Надо признать: в описании отдельно взятых событий С.Ю. Витте в основном точен. Однако стоит внимательнее посмотреть на некоторые ключевые места в рассказе мемуариста. Сначала он сообщает о записке М.Н. Муравьёва, полученной рядом министров «в начале ноября» (на самом деле текст датирован 11 (23) ноября 1897 г.), и кратко излагает её содержание: в связи с захватом немцами Киао-Чао (Цзяочжоу), по мнению главы внешнеполитического ведомства, «явился благоприятный для нас момент занять один из китайских портов», а именно, Порт-Артур или Дялянвань. Они имеют важное стратегическое значение, а России как раз нужен незамерзающий порт на Дальнем Востоке³.

¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.180–208; Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.:Л., 1960. С.427–464; Игнатъев А.В., Мелихов Г.В. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С.141–143.

² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.23.

³ Там же. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.498.

«Занятие»—«захват», предложенные М.Н. Муравьёвым, С.Ю. Витте и все исследователи вслед за ним поняли как аннексию. Но для такого однозначного толкования у них не имелось достаточных оснований. Ведь главным в мотивации министра было то, что Порт-Артур может оказаться в руках англичан, что у России нет нужной ей зимней гавани и что получить её от Китая можно только с помощью силы. Строго на бухтах Ляодунского полуострова М.Н. Муравьёв не настаивал, но у него получалось, что в тот момент это было самое удобное приобретение. Поэтому нельзя исключать и другой вариант: захват Порт-Артура для последующего торга с Китаем о другом порте и об уступках России в железнодорожном вопросе (направление трассы КВЖД). В таком случае Порт-Артур выступал не как цель, а как средство, соответственно, речь о долгосрочном владении им не шла.

Глава внешнеполитического ведомства так вопрос в своей записке не ставил, но есть достаточно оснований предполагать, что он всё-таки имелся в виду. С.Ю. Витте сам подтвердил это: сразу после захода российских судов в бухты Ляодунского полуострова М.Н. Муравьёв распорядился сообщить Пекину, что «мы пришли туда для того, чтобы помочь Китаю избавиться от немцев, что мы пришли защищать Китай от немцев и как только немцы уйдут – и мы уйдём!»⁴ Весь же пафос действий М.Н. Муравьёва состоял не столько в самом захвате, сколько в заявлении де-факто о неэффективности виттевской «мирной экономической экспансии» и необходимости использовать в отношениях с Поднебесной силовые рычаги.

Не удивительно, что С.Ю. Витте возражал М.Н. Муравьёву на Особом совещании 14 (26) ноября 1897 г., ссылаясь на договор с Китаем 1896 г., так, что становится ясно: он рассматривал захват Порт-Артура как цель, а не средство. И позднее, уже после того как российские корабли появились на рейде порта, он по-прежнему настаивал на необходимости «одуматься и покинуть Порт-Артур», из-за чего совершенно испортил свои отношения с министром иностранных дел⁵. После этого мемуарист сразу перешёл к рассказу о том, как посланник А.И. Павлов в феврале 1898 г. предъявил Пекину требование об аренде Ляодунского полуострова⁶. То есть, в его изложении отсутствует ключевое для всей этой истории решение – переход от занятия к постоянному владению китайскими портами. Ясно, что С.Ю. Витте что-то недоговаривал, поэтому и изложение всей истории получилось прерывистым.

Чтобы понять, в чём и почему С.Ю. Витте лукавил, надо обратиться к обстоятельствам появления России на Ляодунском полуострове. Российские корабли вошли на рейд Порт-Артура 4 (16) декабря 1897 г. далеко не спонтанно. Мор-

---

⁴ Там же. С.503.

⁵ Там же. С.502.

⁶ Там же. С.504.

ское министерство на протяжении около десяти лет присматривало для нужд Тихоокеанской эскадры незамерзающую гавань на Дальнем Востоке. Наиболее удобными казались бухты корейского побережья, но по ряду причин морякам было трудно реализовать свой выбор, прежде всего, из-за политики Японии. Китайский порт Чифу казался слишком открытым и беспокойным. Вэйхайвэй после японо-китайской войны 1894–1895 гг. представлял собой руины, как сообщила специально посланная для его освидетельствования экспедиция весной 1897 г.⁷ Лишь Киао-Чао (Цзяочжоу), по мнению командира Тихоокеанской эскадры, «удовлетворяет условиям, имеется телеграф и провизия, но он не открыт для европейцев»⁸. Порт-Артур в списке желательных гаваней не значился.

Положение изменилось в 1895 г., в связи с японо-китайской войной. Если до этого Тихоокеанская эскадра предпочитала зимовать в японских портах, то конфликт соседей сделал это неудобным, особенно в связи с нейтралитетом России. Осенью 1895 г. начальнику эскадры С.П. Тыртову было отдано распоряжение рассосредоточить корабли по нескольким китайским портам. Петербург рассматривал этот шаг как временное решение проблемы, поэтому адмирал также получил команду обозреть корейский остров Каргодо (Кожедо) «для составления о нём заключения как о военном порте»⁹. Во второй половине ноября 1895 г. А.Б. Лобанов-Ростовский уведомил морского министра Н.М. Чихачёва, что Китай разрешил зимовку эскадры также и в Киао-Чао (несмотря на то, что эта гавань была закрыта для иностранцев), но просил по возможности сократить время стоянки и подыскать на будущее другое место. Из-за отсутствия условий С.П. Тыртов зимовал в Нагасаки, а в Киао-Чао уже новый командующий Е.И. Алексеева направил небольшой отряд под начальством контр-адмирала Г.П. Чухнина, который провёл там всего неделю, с 12 (24) по 18 (30) апреля 1896 г.¹⁰ Символический визит означал, что российское руководство хотело бы закрепить за собой право пользования этим портом. Но Пекин уклончиво отвечал, что намерен сохранить статус Киао-Чао как закрытого для иностранцев, правда, в случае открытия обещал признать первенство в его использовании за Россией¹¹.

⁷ [Горский, поручик]. Рекогносцировка путей от города Чифу до города Тянь-цзиня с описанием города Чифу и от г. Чифу до г. Вей-хай-вей. С маршрутными картами и планом города Чифу. 6-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона поручика Горского // Особое секретное добавление к Сборнику материалов по Азии. №1. СПб., 1898. С.1–123.

⁸ С.П. Тыртов – в Морское министерство 20 августа (1 сентября) 1895 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1465. Л.270–271; Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч.1. Борьба России с Японией в Корее. СПб., 1910. С.87.

⁹ Телеграмма Морского министерства С.П. Тыртову 25 сентября 1895 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1465. Л.274, 282.

¹⁰ Справка о бухте Киао-Чао 13 (25) сентября 1897 г. // Там же. Д.1689. Л.2–2 об.

¹¹ А.И. Павлов – в МИД 20 октября (1 ноября) 1897 г. // Красный архив. 1938. №2 (87). С.35–36.

Планы Петербурга спутал Берлин. Летом 1896 г. новый немецкий посланник в Пекине Э. Гейкинг сообщил своему русскому коллеге А.П. Кассини, что он получил распоряжение добиваться от Китая разрешения соорудить в Киао-Чао угольную станцию. Немец делал упор на том, что Германия преследовала в Китае исключительно коммерческие интересы и видела главным своим соперником Англию¹². В ответ А.П. Кассини указал немцу на то, что Россия уже обладала правом первенства на использование этого порта¹³. То есть, Германии было вежливо отказано¹⁴. Тем не менее, Берлин настаивал в цзун-ли-ямыне на своём, одновременно Э. Гейкинг дезинформировал сменившего А.П. Кассини А.И. Павлова, рассказывая ему, что они решили соорудить себе угольную станцию не в Киао-Чао, а в Амое¹⁵. В то же время Россия, по-прежнему не имея собственной незамерзающей гавани, продолжала подыскивать приемлемый вариант. В список возможных кандидатов в этот раз попали Порт-Артур и Даляньвань. 16 и 17 (28 и 29) июня 1897 г. их обследовал русский вице-консул в Чифу В.Ф. Гроссе. В Петербург он сообщил, что мелководную бухту Порт-Артура было возможно углубить, а западный порт (Даляньвань) «мог бы служить затем первоклассной коммерческой гаванью»¹⁶. Однако военные пришли к иному решению. Отвергнув Порт-Артур и Даляньвань из-за ряда недостатков, они заключили, что бухта Киао-Чао «конечно, в мирное время не нужна» и вернулись к намерению получить порт в юго-восточной части Кореи¹⁷. В общем, в российском руководстве во второй половине 1897 г. так и не сложилось единого мнения, где следует искать необходимую гавань.

Когда же осенью 1897 г. распространился слух, что Германия, несмотря на уведомление А.П. Кассини, всё-таки собирается занять Киао-Чао, Петербург решил не уступать¹⁸. От демаршей вроде посылки военных судов Россия пред-

¹² А.П. Кассини – в МИД 15 (27) августа 1896 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1489. Л.10–12.

¹³ Телеграмма А.П. Кассини в МИД 11 (23) августа 1896 г. // Там же. Д.13. Л.23; А.П. Кассини – А.Б. Лобанову-Ростовскому 16 (28) августа 1896 г. // Красный архив. 1938. №2 (87). С.28–29; Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.384.

¹⁴ Об этом российские представители неоднократно заявляли немцам в 1896–1897 гг. (Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд. 2-е, испр. и доп. М.:Л., 1955. С.51–52).

¹⁵ А.И. Павлов – в МИД 6 (18) марта 1897 г. // Красный архив. 1938. №2 (87). С.31. Тем не менее, по свидетельству Ли Хунчжана, Э. Гейкинг в цзун-ли-ямыне настаивал исключительно на Киао-Чао, даже не упоминая Амоя (С.32).

¹⁶ Выписка из донесения вице-консула в Чифу В.Ф. Гроссе 30 июня (12 июля) 1897 г. // АВПРИ. Ф.340. Оп.584. Д.89. Л.102–107.

¹⁷ П.П. Тыртов – М.Н. Муравьеву 3 (15) ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1489. Л.69–70.

¹⁸ В.Н. Ламздорф – П.П. Тыртову 3 (15) октября 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1689. Л.7.

полагала воздержаться (ни одна держава не получила тогда от Поднебесной разрешения пользоваться портом). Пекин подтвердил, что по-прежнему не собирался допускать в Киао-Чао иностранцев, признавая за Россией приоритет на пользование бухтой¹⁹. Если же немцев всё-таки пустили бы в бухту, аналогичный участок «должен быть предоставлен и нам»²⁰. В случае появления в порту немецких судов без согласия Китая П.П. Тыртов намеревался направить туда один–два русских корабля, чтобы следить за ними. В такой ситуации, когда обе стороны не собирались уступать, с подозрением следя друг за другом, да ещё и в атмосфере многочисленных слухов, дело могло обернуться серьёзным конфликтом. К счастью, этого не случилось, так как общие русско-германские отношения были не так плохи, как, например, русско-английские, и для обеих сторон столкновение в Китае было совсем ни к чему.

Вся эскалация напряжённости вокруг китайских портов началась с малозначимых событий, не имевших вроде бы политического значения. 23 октября (4 ноября) 1897 г. два немецких патера, принадлежавшие к одной из католических миссий в Китае, были убиты и ограблены в китайской деревне, где они остановились на ночлег. Это послужило предлогом для резких действий Германии, хотя само происшествие являлось заурядным уголовным преступлением²¹.

26 октября (7 ноября) 1897 г. Николай II получил от Вильгельма II телеграмму о нападении китайцев на католическую миссию (а не на миссионеров!) в Шаньдуне. Германский император писал: «Надеюсь, что согласно нашим личным переговорам в Петергофе ты одобришь переход моей эскадры в Киао-Чао для того, чтобы оттуда действовать против мародёров». Под невинной фразой «переход эскадры» скрывалось намерение германского императора захватить один из портов Китая. В этот же день царь ответил: «Не могу одобрить или не одобрить твоего распоряжения»²². Прямо возразить против намерений Берлина Петербургу было невозможно.

¹⁹ А.И. Павлов – в МИД 20 октября (1 ноября) 1897 г. // Красный архив. 1938. №2 (87). С.36.

²⁰ М.Н. Муравьёв – П.П. Тыртову 25 и 26 октября (6 и 7 ноября) 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1689. Л.15–16, 25; Красный архив. 1938. №2 (87). С.38.

²¹ Подробнее см.: Симанский П.Н. Указ. соч. С.88–89.

²² Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.:Пг., 1923. С.21. Германский император был в России с визитом 7–10 (19–22) августа 1897 г. Во время одной из встреч с Николаем II он неожиданно спросил царя, может ли Германия занять Киао-Чао, так как Россия портом не пользуется, а немцам гавань нужна для стоянки своей эскадры. Царь, захваченный врасплох, не сумел отказать Вильгельму (Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.407–408). Он ответил, что «совершенно не заинтересован в пунктах южнее линии Тяньцзинь–Пекин», поэтому не собирается мешать немцам в Шаньдуне (Вильгельм II. Мемуары, события и люди 1878–1918. М.:Пг., 1923. С.32). П.Н. Симанский предположил, что Петербург уже наметил в качестве желанного для себя незамерзающего порта корейский Пеньян в устье реки Тантонг (Симанский П.Н. Указ. соч. С.88).

Ещё до начала действий немецкой стороны морской министр Ф.К. Авелан приказал Ф.В. Дубасову подготовить отряд кораблей для захода в Киао-Чао на случай появления там немцев. Фактически до его сведения довели план ответных мер, изложенный в октябрьской переписке двух министров: только наблюдать за германской эскадрой и требовать равных с ней прав. Если же немецкие корабли не появятся, адмиралу следовало при первом удобном случае подобрать в Киао-Чао место для угольного склада²³. Министр иностранных дел также предполагал протестовать в Берлине, защищая первенство России. Врядли Петербург в тот момент рассматривал Киао-Чао как желанный незамерзающий порт (он находился южнее Пекина, да и сооружение железной дороги к гавани было бы сопряжено со значительными, прежде всего, политическими трудностями), хотя моряки и признавали за ним многие удобства²⁴.

Немецкие суда вошли в Киао-Чао 2 (14) ноября 1897 г. В Пекине вспыхнула настоящая паника. Узнав о действиях Германии, Ли Хунчжан уже 3 (15) ноября 1897 г. обратился к России с просьбой также ввести свои суда в этот порт²⁵. Он настолько торопился, что просил российского дипломата зашифровать депешу и передать ему, чтобы он лично отправил её по телеграфу²⁶. Первой реакцией МИД стало поручение Ф.В. Дубасову исполнить просьбу китайцев, что могло обернуться русско-германским конфликтом в Китае²⁷. Фактически на стороне внешнеполитического ведомства выступил военный министр, полагавший что и Печилийская, и Шаньдунская провинции Китая входили в сферу русского влияния²⁸. Однако морской министр заявил о неудобстве таких действий России, когда немецкие суда уже находились в порту, и Николай II согласился с ним²⁹. Тем более, что реально Петербург ничего не мог сделать: даже

---

²³ Ф.К. Авелан – Ф.В. Дубасову, б/д. [конец октября 1897 г.] // РГА ВМФ. Ф.9. Оп.1. Д.25. Л.1–1а.

²⁴ П.П. Тыртов – М.Н. Муравьеву 3 (15) ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1489. Л.69–70.

²⁵ А.И. Павлов – в МИД 4 (16) ноября 1897 г. // Там же. Д.1488. Л.11–12.

²⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 5 (17) ноября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.95. Л.2–5.

²⁷ П.П. Тыртов – Ф.В. Дубасову 4 (16) ноября 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1689. Л.37.

²⁸ П.С. Ванновский – М.Н. Муравьеву 9 (21) ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1487. Л.60. Военный министр ссылался при этом на А.П. Кассини, который якобы ещё в январе 1897 г., уже находясь в Петербурге, заявлял, что по крайней мере Шаньдунский полуостров «должен быть свободен от чуждых нам иноземных влияний» из-за его стратегического военно-морского значения.

²⁹ Всеподданнейший доклад П.П. Тыртова 5 (17) ноября 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1689. Л.38.

если российская эскадра появилась бы в Киао-Чао раньше немецкой, ей пришлось бы гостеприимно встретить немецкий флот из-за петергофских договорённостей³⁰. Поэтому 8 (20) ноября распоряжение Ф.В. Дубасову аннулировали (до этого, 6 (18) ноября, его успели сообщить А.И. Павлову)³¹. Считая появление германской эскадры в Киао-Чао нежелательным, но не намереваясь конфликтовать по этому случаю с Берлином, В.Н. Ламздорф, замещавший тогда министра иностранных дел, уже 4 (16) ноября предложил Николаю II «воспользоваться первым удобным случаем, чтобы занять независимо какой-либо другой, более для нас выгодный порт»³². Пекину же Петербург ответил, что так как китайцы сами ушли из Киао-Чао, то появление там после этого русских судов «было бы равносильно признанию нами установившегося там ненормального порядка». Тем не менее, Россия совсем не отказывала Китаю в поддержке, но она соглашалась помочь лишь в случае большого столкновения с Германией и при условии, если «русским судам будет открыто дружеское гостеприимство даже в тех портах, которые недоступны для иностранцев»³³ (в этом можно усмотреть намёк на Порт-Артур), а также улаживании всех нерешённых вопросов вокруг КВЖД (речь, вероятно, шла о разрешении на строительство ветки до незамерзающего порта). Ли Хунчжан ничего не ответил Петербургу, опасаясь, что Россия не исполнит своих обещаний³⁴.

11 (23) ноября 1897 г. М.Н. Муравьёв представил Николаю II записку о возможных ответных действиях России³⁵. Министром иностранных дел предложен в ней «приступить, не теряя времени, к занятию судами нашей эскадры <...> Тялянваня, т.е., того порта, который в данную минуту <...> представляет несомненные видимые преимущества, или же иного порта»³⁶. Именно «занять»: пока М.Н. Муравьёв не ставил вопрос об аннексии, вероятно, понимая, насколько он сложен, и не предreshал судьбу гавани, так как знал, что моряки могут

³⁰ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 18 (30) ноября 1897 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.58. Л.68.

³¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.92.

³² Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 4 (16) ноября 1897 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.58. Л.64. Николай II ответил графу: «Я всегда был мнения, что будущий наш открытый порт должен находиться или на Ляодунском полуострове, или в с[еверо]-в[осточном] углу Корейского залива (Николай II – В.Н. Ламздорфу 11 (23) ноября 1897 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.102).

³³ М.Н. Муравьёв – А.И. Павлову 18 (30) ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1487. Л.74–75.

³⁴ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 23 ноября (5 декабря) 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.95. Л.16.

³⁵ Красный архив. 1932. №3 (52). С.103–108.

³⁶ Там же. С.106–107.

настаивать на другом, более удобном для себя незамерзающем порте. 14 (26) ноября по распоряжению царя для её обсуждения созвали Особое совещание³⁷. Предложение занять Порт-Артур, сделанное М.Н. Муравьевым, поддержал только военный министр П.С. Ванновский, большинство же, в том числе и С.Ю. Витте, решило пока воздержаться от такого шага³⁸. Министр финансов аргументировал свою позицию необходимостью сохранять хорошие отношения с Китаем, чтобы можно было продолжать экономическую экспансию России на Дальнем Востоке. С.Ю. Витте заявил о желательности для России иметь незамерзающий выход в Тихий океан и что «наше наступательное движение на восток должно этим кончиться». Одновременно сановник подчёркивал особые отношения России к Китаю: «то, что могут делать европейцы, мы делать не должны»³⁹. Впоследствии С.Ю. Витте изображал это как решение министра иностранных дел силовым образом решить вопрос о незамерзающем порте.

Однако позиция МИД была далеко не простой, как это может показаться. Похоже, что занятие Порт-Артура М.Н. Муравьев намеревался использовать прежде всего как средство давления на Китай. Именно такая программа действий была изложена им несколько дней спустя после появления русских кораблей на рейде Порт-Артура в проекте секретной инструкции А.Н. Шпейеру, которого предполагалось назначить посланником в Пекин. В документе указывалось, что российской эскадре опасно надолго остаться в гаванях Ляодунского полуострова «без риска омрачить добрые отношения наши к Поднебесной империи», правильнее воспользоваться случаем, чтобы решить вопросы, «которые могут к тому времени оказаться на очереди». Под ними имелось в виду желание «включить в сферу нашего непосредственного влияния приграничные китайские владения» (то есть, Маньчжурию), а также получить концессию на железную дорогу до Мукдена и далее до Шанхайгуаня (то есть, на соединение с китайской железной дорогой)⁴⁰. И, разумеется, зимний порт. Правда, из этого трудно понять, какая незамерзающая гавань имелась в виду. Она могла находиться как на Ляодунском полуострове, так и в Корее. Железная дорога являлась в данном случае не

³⁷ Журнал Особого совещания 14 (26) ноября 1897 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.119; Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.44–46.

³⁸ Министр финансов был хорошо информирован о происходившем, в том числе и из обстоятельных телеграмм Д.Д. Покотилова 4 (16), 5 (17), 9 (21) и 10 (22) ноября 1897 г. (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.95. Л.1–8).

³⁹ Журнал Особого совещания 14 (26) ноября 1897 г. (копия) // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.120. Л.2–3.

⁴⁰ Проект секретной инструкции А.Н. Шпейеру, утверждённый Николаем II 9 (21) декабря 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.43–50. Однако А.Н. Шпейер в Пекин не поехал, вместо него в марте 1898 г. туда был направлен М.Н. Гирс.

только средством для экономического проникновения в Центральный Китай, но и необходимой связью незамерзающей пристани с Сибирской железной дорогой по земле. Иначе свободный ото льда порт подвергался большой опасности в случае военного конфликта, например, с Англией, так как российский флот был заведомо слабее и не смог бы защитить изолированную гавань. Поэтому В.Н. Ламздорф не лукавил, когда несколько раз подчёркивал во всеподданнейших докладах, что Россия оказалась вынуждена силой обстоятельств занять Порт-Артур⁴¹.

В свою очередь, и позицию С.Ю. Витте нельзя признать убедительной. В ответ на записку М.Н. Муравьёва он предложил ввести русскую эскадру в Киао-Чао «и приказать ей стоять там, доколе Германия не покинет этого порта»⁴². Его не смутило то, что такое поведение было чревато конфликтом с Берлином. Показательно и то, что министр финансов в своем выступлении также прямо не заявил, на какой именно порт претендует Россия. Учитывая же его настойчивое желание не допустить японское влияние в Корее⁴³, можно предположить, что С.Ю. Витте имел в виду либо порт на восточном побережье полуострова, либо в устье р. Ялу, и беспокоился о том, как получить согласие Китая на железную дорогу к нему⁴⁴. Тому есть ряд косвенных свидетельств. Например, письмо П.М. Романова Ф.К. Авелану 19 ноября (1 декабря) 1897 г. с просьбой предоставить топографические сведения о гаванях Кореи, так как Министерство финансов разрабатывало вопрос «о возможности развития в ближайшем будущем коммерческой деятельности портов Корейского побережья»⁴⁵. Эти действия хорошо согласовались с позицией М.Н. Муравьёва.

Не отрицая того, что у главы МИД действительно имелось стремление захватить Порт-Артур, надо сказать, что обстановка в Китае после немецкого демарша резко обострилась. Русские дипломаты в Поднебесной слали в Петербург весьма тревожные телеграммы: 25 ноября (7 декабря) А.И. Павлов сообщил из Пекина, что в Чифу ждут английскую эскадру, направляющуюся, по слухам, в Порт-Артур; 1 (13) декабря русский военный агент в Китае полковник К.Н. Десино уведомил о том, что в Чифу грузятся 4 английских

⁴¹ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 13 (25) января 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.3 об.

⁴² Записка С.Ю. Витте 15 (27) ноября 1897 г. Цит. по: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.189.

⁴³ Журнал Особого совещания 14 (26) ноября 1897 г. (копия) // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.120. Л.2–3.

⁴⁴ С.Ю. Витте считал, что Россия лишь через пять лет будет готова занять незамерзающий порт, сам он предпочитал «пункт у устья Ялу» (Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 20 декабря 1897 г. (1 января 1898 г.) (копия) // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1871. Л.6).

⁴⁵ РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1090. Л.1.

судна перед отправлением в Порт-Артур, а 2 (14) декабря – что англичане уже заняли бухту Даляньвань. Об этом же ещё 1 (13) декабря отправил телеграмму из Чифу в Петербург русский консул А.Н. Островерхов⁴⁶. Впоследствии все эти слухи не получили подтверждения, но в те дни они выглядели правдоподобно. Поэтому нельзя согласиться с Б.А. Романовым, что страх английского захвата Порт-Артура был «заведомо ложный»⁴⁷. Сами китайцы были уверены, что Англия намеревается захватить Даляньвань – об этом в цзун-ли-ямьнь сообщил чилийский генерал-губернатор Ван Вэньшао 28 ноября (10 декабря) 1897 г.⁴⁸

В столь тревожной атмосфере Россия, промедлив, могла потерять пусть и не лучший, но всё же возможный пункт для стоянки флота, к которому она присматривалась с 1895 г. Да и рычаг давления на Пекин в вихре обостряющихся событий был весьма важен. Вариант же с портом в Корее находился под большим вопросом. Кроме того, получение такой гавани наверняка ухудшило бы отношения России с Японией, чему настойчиво противился МИД. В.Н. Ламздорф прямо докладывал Николаю II, что приобретение незамерзающего порта в Корее невозможно. В Париже в это время японский посланник предлагал союз Франции, Японии и России, чем, по мнению товарища министра, следовало бы воспользоваться и «тотчас же приступить к переговорам». Для этого пришлось бы пересмотреть договорённости о Корее, в том числе и московский протокол Лобанов–Ямагата, имевший только «временное значение» и являвшийся «источником постоянных недоразумений»⁴⁹. То есть, для нового соглашения от Петербурга и так требовались уступки Токио в королевстве, получение незамерзающей гавани на полуострове рушило всю комбинацию. Наоборот, порт в Китае облегчил бы соглашение с Японией по корейским делам, а отношения с Пекином от этого хуже бы не стали: особым расположением у правителей Поднебесной Россия и так не пользовалась, они преклонялись, по убеждению В.Н. Ламздорфа, только перед силой⁵⁰.

Объективно для осуществления замыслов М.Н. Муравьёва сложилась очень благоприятная атмосфера. Тем не менее, сановник, не получив одобрения своим планам от Особого совещания 14 (26) ноября 1897 г., действовал осторожно. Министр начал выторговывать у Пекина возможность доступа для России в за-

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.21, 62, 68, 69; Симанский П.Н. Указ. соч. С.101.

⁴⁷ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.189.

⁴⁸ Ефимов Г.В. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М., 1958. С.232.

⁴⁹ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 16 (28) декабря 1897 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.58. Л.77 об. – 78. О договоре между Россией и Японией, подписанном в Москве 28 мая (9 июня) 1896 г., подробнее см. главу 5 «Корейская политика России и отношения с Японией».

⁵⁰ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 23 декабря 1897 г. (4 января 1898 г.) // Там же. Л.79 об.

крытые для иностранцев порты, обещая, что мы «не применём воспользоваться этим дружеским гостеприимством»⁵¹. Получив разрешение Китая, он, ещё не поставив вопрос перед царём, немедленно предложил П.П. Тыртову отправить часть эскадры в Порт-Артур и Даляньвань, чтобы не допустить их захвата «другой нацией», причём расположить их так, чтобы появление в бухтах иных судов было бы попросту невозможно⁵². 29 ноября (11 декабря) 1897 г. П.П. Тыртов отдал секретное распоряжение Ф.В. Дубасову тайно подготовить несколько кораблей для захода в Порт-Артур⁵³.

И только после этого 2 (14) декабря 1897 г. министр иностранных дел представил Николаю II записку, где доказывал, что захват Германией Киао-Чао никак не затрагивает русских интересов. Скорее наоборот, по его мнению, стало возможно русско-германское соглашение для совместных действий в Китае против Англии (что было близко царю и вполне соответствовало намерениям С.Ю. Витте). Поэтому, по мнению министра, следовало быстрее договориться с Берлином, а перед этим занять Порт-Артур и Даляньвань «с сохранением существующих дружественных отношений с Китаем»⁵⁴. М.Н. Муравьёв имел в виду полученное им от Пекина разрешение на заход русских судов в закрытые для иностранцев порты. Надо заметить, что речь не шла об их возможной аннексии.

Аргументы М.Н. Муравьёва в новой обстановке показали Николаю II убедительными, 2 (14) декабря он отклонил заключения Особого совещания 14 (26) ноября и распорядился ввести русские суда в две бухты Ляодунского полуострова. Морякам предписали соблюдать «крайнюю осторожность», не использовать угрозы⁵⁵. 3 (15) декабря 1897 г. последовало распоряжение занять также бухту Даляньвань⁵⁶. 4 (16) декабря командир группы кораблей контр-адмирал М.А. Реунов сообщил в Петербург о выполнении приказа и о том, что в Порт-Артуре никого, кроме китайцев, не было (Николай II пометил на донесении: «Слава Богу!»)⁵⁷. Только после этого раздался

⁵¹ М.Н. Муравьёв – А.И. Павлову 26 ноября (8 декабря) 1897 г. (копия) // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.19.

⁵² Черновик письма П.П. Тыртова великому князю Алексею Александровичу 27 ноября (9 декабря) 1897 г. // Там же. Л.24; М.Н. Муравьёв – П.П. Тыртову 29 ноября (11 декабря) 1897 г. // Там же. Л.39.

⁵³ Там же. Л.69.

⁵⁴ Записка М.Н. Муравьёва Николаю II 2 (14) декабря 1897 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.121; Ефимов Г.В. Указ. соч. С.237.

⁵⁵ Два письма М.Н. Муравьёва П.П. Тыртову 2 (14) декабря 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.54–55, 57.

⁵⁶ П.П. Тыртов – Ф.В. Дубасову 3 (15) декабря 1897 г. // Там же. Л.69 об. – 70.

⁵⁷ Там же. Л.79. В бухту Даляньваня русские корабли вошли позже, 8 и 9 (20 и 21) декабря (Симанский П.Н. Указ. соч. С.102).

протест англичан и британский корабль пришел из Чифу в Порт-Артур для наблюдения за русской эскадрой.

Первой реакцией С.Ю. Витте на Порт-Артур явилась глубокая обида, и в запальчивости он сделал ряд недопустимых шагов. Министр финансов невольнительно откровенно беседовал с английским послом Н. О'Конором, он также резко высказывался в разговоре с германским послом Г. Радолином, назвав занятие Порт-Артура ребячеством, которое «очень плохо кончится»⁵⁸. К счастью для С.Ю. Витте его выпады привели только к выговору, полученному им от Николая II. Министр финансов в ответ демонстративно подал в отставку, но император её отклонил, на этом демарш и завершился⁵⁹.

Несмотря на своё неудовольствие, С.Ю. Витте всё-таки поддержал заявление М.Н. Муравьёва, рассказывавшего иностранным дипломатам, что Россия заняла Порт-Артур исключительно по просьбе Китая и не имеет намерения оставлять там долго, так как у неё есть своя гавань – Владивосток. Главу внешнеполитического ведомства не смутило то, что порт замерзал каждый год не менее чем на четыре месяца, он парировал это тем, что там появился хороший ледокол⁶⁰. Однако несколько дней спустя М.Н. Муравьёв уже говорил, что Россия намерена занять Киао-Чао в качестве незамерзающего порта, так как Пекин обещал ей эту бухту⁶¹. Англичане, кажется, поверили тому, что действия Петербурга не были ответом на акцию Берлина, а отражали договорённость с Китаем. Им казалось невозможным то, что слабая в военном отношении на Дальнем Востоке Россия может позволить себе захватить силой один из незамерзающих портов.

Вопреки опасениям С.Ю. Витте, Китай спокойно воспринял появление русских кораблей в Порт-Артуре: он, по-видимому, больше опасался действий Англии. Кроме того, в это время в Пекине шли нелёгкие переговоры с немцами о Киао-Чао, в которых Китаю приходилось делать уступки⁶². Однако судьба Порт-Артура ещё не была окончательно решена.

⁵⁸ Романов Б.А. Очерки... С.74–75.

⁵⁹ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.130; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. ... С.502–503. И.И. Кольшко, хорошо знавший министра финансов, рисует в своих воспоминаниях иную картину: «Трижды царь за спиной своего “союзника” [В.П. Мещерского – И.Л.] подписывал отставку Витте, но, застигнутый “союзником” (которого Витте предупреждал), рвал отставку и подписывал сочиненный Мещерским благодарственный рескрипт» (Кольшко И.И. Закат царизма. Император Николай II // ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.346. Л.15). Один из таких рескриптов был дан С.Ю. Витте 24 февраля (8 марта) 1898 г.

⁶⁰ У. Гошен – Р. Солсбери 14 (26) декабря 1897 г. // 65/1534. Р.197–198; Н. О'Конор – Р. Солсбери 31 декабря 1897 г. (12 января 1898 г.) // PRO FO. 65/1552. Р.28–29.

⁶¹ Н. О'Конор – Р. Солсбери 20 января 1898 г. // PRO FO. 65/1552. Р.56. Конечно, это была сознательная дезинформация англичан и отчасти она сработала, несколько усыпив бдительность Лондона.

⁶² Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 11 (23) декабря 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.95. Л.24.

Так получилось, что параллельно истории с Порт-Артуром начались русско-китайские переговоры о займе Китаю. Еще в начале лета 1897 г. Ли Хунчжан обратился через председателя правления Русско-Китайского банка князя Э.Э. Ухтомского в Петербург с просьбой предоставить заём Китаю⁶³, за что Пекин обещал предоставить «совершенно исключительное преобладание» России на своей территории. С.Ю. Витте согласился обсудить вопрос, оговорив, что «нам не следует навязываться с услугами по займу», а добиваться того, чтобы Китай предложил «от себя» выдвинутые Россией условия (что он и сделал 2 (14) декабря 1897 г.). Они были таковы: наиболее южное направление КВЖД, концессия на железную дорогу к незазанному порту на Жёлтом море⁶⁴, к востоку от порта Инцзы, по выбору правления КВЖД, с правом захода туда всех кораблей под русским флагом (то есть, и военных), свободу плавания по реке Сунгари и её притокам и монополия России на концессии в Маньчжурии и Монголии⁶⁵. С.Ю. Витте также составил проект условий займа в 100 млн. лан (более 140 млн. руб.)⁶⁶ по образцу займа 1895 г. и направил его Д.Д. Покотилову 4 (16) декабря 1897 г., то есть, когда решение ввести русские корабли на рейд Порт-Артура уже было принято в Петербурге. Если бы Россия с самого начала намеревалась удержать за собой Ляодунский полуостров, то следовало бы сразу увязать переговоры о займе с желанием получить именно этот порт. Однако ничего подобного не произошло.

Условия русского займа Китаю в редакции министра финансов оказались жёсткими: гарантиями выплат служили таможенные пошлины, а также соляной доход (в Поднебесной существовала государственная монополия на торговлю солью). Соглашение о займе в варианте, предложенном С.Ю. Витте, Пекину следовало подписать в две недели, иначе предложение аннулировалось. Свои соображения министр финансов разъяснил М.Н. Муравьёву: «Мне кажется, мы могли бы иметь успех, если Павлов объяснит кому следует, что при займе англичанами японцы получают деньги и не уйдут. Значит, Китай оста-

⁶³ Заём требовался для уплаты контрибуции за поражение в войне 1894–1895 гг. Своевременная выплата последнего транша 8 мая 1898 г. позволяла Пекину сэкономить 23,75 млн. лан, т.е. весьма значительную сумму (Ефимов Г.В. Указ. соч. С.240).

⁶⁴ В этот ареал входил весь Ляодунский полуостров и Корея.

⁶⁵ Проект телеграммы А.И. Павлову, составленный С.Ю. Витте, б/д. [рубеж ноября–декабря 1897 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.56; РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.75. Л.6–7, 12. История с Порт-Артуром косвенно показала значительное изменение в действиях С.Ю. Витте на Дальнем Востоке: он перестал говорить о проникновении в Центральный и Южный Китай, органичиваясь исключительно северными провинциями.

⁶⁶ Точный пересчёт китайских ланов (таэлей) в рубли затруднён по многим причинам. В 1901 г., когда Министерство финансов определяло размер выплат Китая за ущерб, нанесённый России в ходе боксёрского восстания, было принято соотношение: 1 лан приравнивался к 1,412 руб. в переводе на золото.

нется в дураках. Если же заём будет совершён нами, то мы заявим, что уходим из Порт-Артура и Даляньваня, если уйдут японцы, и уйдём – если они уйдут»⁶⁷. То есть, С.Ю. Витте высказал готовность увязать заём Китаю и Порт-Артур: за принятие русского варианта он был готов оставить порты Ляодуна. Получается, что кредит оказался для министра важнее, чем уже занятый порт.

Не удивительно, что в этом вопросе С.Ю. Витте пока действовал в полном взаимопонимании с М.Н. Муравьевым⁶⁸. Некоторое время Китай вёл себя неуверенно, но после того как английский посланник в Пекине К. Макдоналд предложил цзун-ли-ямыню не брать денег у России, обещая устроить дело в Англии, а 17 (29) декабря 1897 г. японский флот сосредоточился у Цусимы, а английский – у порта Гамильтон, осмелел⁶⁹. 18 (30) декабря 1897 г. Д.Д. Покотилов сообщил С.Ю. Витте, что китайцы резко переменяли свое отношение к России. Они потребовали письменного заявления, что Петербург не намерен удерживать за собой Порт-Артур и Даляньвань⁷⁰. Ответ России, отвергшей всякие письменные гарантии как недостойные великой державы, гласил, что порты будут оставлены тогда, «когда политические обстоятельства и обоюдные интересы России и Китая это позволят». Одновременно от Пекина просили предоставить русскому флоту стоянку в Печилийском или Корейском заливах⁷¹. Такая позиция России очень обрадовала руководство Поднебесной, но камнем преткновения стал вопрос о месте гавани для русского флота: Китай предлагал России подыскать себе бухту в устье р. Ялу (с чем согласился С.Ю. Витте) и обещал сам построить к нему железную дорогу (правда, за русский счёт)⁷². Петербург такое решение совершенно не устроило, однако вариант Порт-Артура в качестве незамерзающей гавани по-прежнему пока не рассматривался.

Параллельно шли переговоры по займу. Его условия были сообщены цзун-ли-ямыню 21 декабря 1897 г. (2 января 1898 г.). Китайцы сразу же ознакомились с их содержанием англичан. Это означало, что Пекин не устраивают

⁶⁷ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьеву 30 декабря 1897 г. (11 января 1898 г.) // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.871. Л.55–56. По-видимому, С.Ю. Витте имел в виду захват японцами Вэйхайвэя.

⁶⁸ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии ... С.193–195.

⁶⁹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 18 (30) декабря 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.36. Однако это не произвело впечатления на Д.Д. Покотилова, который холодно ответил, что Россия не навязывает Китаю своих услуг, и отказ Пекина будет ей только выгоден, так как «исполнения наших требований относительно Маньчжурии мы добьёмся без всякого займа».

⁷⁰ Там же. Л.37.

⁷¹ Проект телеграммы А.И. Павлову в Пекин, одобренный Николаем II 23 декабря 1897 г. (4 января 1898 г.) // Там же. Л.40а; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.196.

⁷² Две телеграммы Д.Д. Покотилова – С.Ю. Витте 27 декабря 1897 г. (8 января 1898 г.) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.48, 49.

предложения Петербурга, и он решил сыграть на англо-русских противоречиях, устроив соревнование. Китай явно не спешил, отношение к русскому проекту сменилось с сочувственного на неблагоприятное даже у Ли Хунчжана⁷³. Далее последовал торг между Петербургом и Пекином, в ходе которого китайская сторона ссылалась на большую выгоду английского предложения (якобы заём на 50 лет под 3% годовых)⁷⁴. Д.Д. Покотиллов ответил, что Петербург будет только рад, если Пекин возьмёт деньги на свободных рынках. Однако, детально ознакомившись с английскими условиями, Ли Хунчжан тут же бросился к агенту Министерства финансов, желая продолжить переговоры о займе с Россией (Д.Д. Покотиллов телеграфировал об этом в Министерство финансов 27 декабря 1897 г. (8 января 1898 г.)). В конце концов Ли Хунчжан, который представлял Поднебесную, согласился на все условия Петербурга, за исключением русской железной дороги к Жёлтому морю⁷⁵. Но позиция уполномоченного показалась в Пекине слишком уступчивой, сановник столкнулся с сильной оппозицией и отказался от своего согласия⁷⁶. Между Англией и Россией в Пекине развернулась острейшая борьба, стороны не скупались на обещания и угрозы.

9 (21) января 1898 г. Д.Д. Покотиллов сообщил С.Ю. Витте, что Лондон, по-видимому, ограничится «самыми невинными требованиями, лишь бы не позволить нам успеть в займе». Кроме того, российский представитель опасался, что англичане могли уже пообещать китайским сановникам крупную взятку за устройство займа⁷⁷. С.Ю. Витте немедленно разрешил А.И. Павлову, который официально вёл переговоры, израсходовать 1 млн. руб. на «подарки», подчеркнув, что он придаёт успеху русского займа исключительно большое значение⁷⁸. При таких обстоятельствах увязка займа с получением от Китая Порт-Артура не имела шансов на успех. К тому же задачу России невольно усложнили французы: узнав, что для получения денег Пекин готов пойти на существенные уступки англичанам, Париж тут же предупредил, что потребует себе аналогичных преференций на юге Китая.

Апогей соперничества российского и английского представителей в Китае А.И. Павлова и К. Макдоналда пришёлся на 12 (24) января 1898 г. В этот день А.И. Павлов выступил в цзун-ли-ямьне, где прямо угрожал китайским правителям. Министры якобы утверждали, что не знают, как отказать Лондону,

⁷³ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 7 (19) января 1898 г. // Там же. Л.74.

⁷⁴ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 1 (13) января 1898 г. // Там же. Л.59. Кажется, процент был всё же выше – 4%.

⁷⁵ Телеграмма Д.Д. Покотилова 27 декабря 1897 г. (8 января 1898 г.) // Там же. Д.75. Л.19.

⁷⁶ Там же. Л.40–42.

⁷⁷ Д.Д. Покотиллов – в МИД 9 (21) января 1898 г. // Там же. Оп.22. Д.209. Л.2.

⁷⁸ Там же. Д.209. Л.4.

так как в финансовом отношении его условия выгоднее русских. Требование равных с английскими условий А.И. Павлов отверг как несовместимое с достоинством России. Посланник занял жёсткую позицию, объявил о недопустимости соглашения Китая с англичанами как по поводу Даляньваня, так и вообще северной части побережья Жёлтого моря, а также о необходимости предоставить России право строить железную дорогу к незамерзающему порту вне всякой связи с займом⁷⁹. В этот же день Д.Д. Покотилов имел разговор с английским посланником, который угрожал, что в случае принятия условий России Лондон возбудит все возможные претензии к Пекину. Действительно, китайские правители напугались, даже Ли Хунчжан, которому до этого больше нравились английские условия, склонился к русскому варианту⁸⁰. За день до выступления перед правительством, 11 (23) января 1898 г., А.И. Павлов обещал китайцу 500 тыс. лан «на покрытие негласных расходов, которые ему самому пришлось бы сделать для проведения этого дела»⁸¹. Для убеждения китайца был подключён и князь Э.Э. Ухтомский, которому С.Ю. Витте продиктовал содержание письма к Ли Хунчжану⁸². Однако все усилия оказались напрасны. К 14 (26) января члены цзун-ли-ямбя придумали выход – поделить заём пополам, а затем, 20 января (1 февраля) 1898 г. вообще отказались от обращения к международным денежным рынкам. Уже 24 января (5 февраля) 1898 г. правительство обнародовало условия внутреннего займа на 100 млн. лан на 20 лет. Для его успешного размещения устанавливалась, в частности, принудительная подписка чиновников. Облигациями займа (по 100 лан) разрешалось оплачивать поземельную подать и соляной налог.

⁷⁹ А.И. Павлов – в МИД 12 (24) января 1898 г. (первая телеграмма) // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1898 г. Д.81. Л.23–25.

⁸⁰ А.И. Павлов – в МИД 9 (21) января 1898 г. // Там же. Л.22.

⁸¹ А.И. Павлов – в МИД 12 (24) января 1898 г. (вторая телеграмма) // Красный архив. 1922. №2. С.288. 200 тыс. лан. посланник пообещал Чжан Инхуану, который уверил, что на него можно вполне полагаться (А.И. Павлов – в МИД 15 (27) января 1898 г. // Там же. С.289). 500 тыс. лан предлагались «стоимостью веса, употребляемого в Пекине в обыденной жизни», что составляло при пересчёте на банковские (таможенные) ланы 486,5 тыс. или 609 120 руб. 50 коп. (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 16 (28) марта 1898 г. // Там же. С.292).

⁸² «От Вас теперь зависит дать то или другое направление тревожному положению дел. Если Вы кончите заём с Англией, то этим положение делается ещё более тревожным, и Китай возбудит в России справедливое чувство недоверия. Если сделаете заём с Россией, то она опять будет к Вам относиться так же дружественно, как относилась ранее, и сумеет успокоить положение. Я и Витте очень советуем Вам как можно скорее кончить заём с Россией. Всякий день промедления ухудшает дела, возбуждает интриги» (С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому, б/д. [январь 1898 г.]. Помета Э.Э. Ухтомского: «Для депеши от меня Ли Хунчжану» // РГИА. Ф.1072. Оп.1. Д.9. Л.3–5).

Российские представители в Китае не верили в успех внутреннего займа и считали, что Пекину всё равно придётся искать денег за границей. Так вскоре и случилось. 19 февраля (3 марта) А.И. Павлов сообщил, что Китай взял у Гонконг-Шанхайского банка 16,5 млн. фунтов стерлингов под 4,5% на 45 лет. России было особенно неприятно то, что заём брался для строительства железных дорог Шанхайгуань–Цзиньчжоу и Инкоу–Мукден, несмотря на то, что ранее Китай обещал не предоставлять концессий на строительство магистралей севернее Шанхайгуаня никому, кроме русских⁸³.

С.Ю. Витте в те дни искал возможные выходы из сложившейся тупиковой ситуации, понимая, что в прямом противостоянии России вряд ли удастся одержать верх, несмотря на поддержку Франции⁸⁴. Тем более, что Д.Д. Покотилов сообщал из Пекина неутешительные сведения: переговоры Англии с Китаем идут успешно и Лондон не очень требователен – лишь бы заём не достался России⁸⁵. Министр финансов решил увязать заём Китаю с судьбой Порт-Артура в совершенно ином контексте. Свою идею он высказал М.Н. Муравьёву, и после их встречи, состоявшейся 13 (25) января 1898 г., составил записку. Если ранее занятие Порт-Артура и Даляньваня рассматривалось как мера временная, как средство для получения Россией другого порта на Жёлтом море и право на строительство железной дороги к нему, а также как рычаг в вопросе о деньгах, то сейчас министр финансов развернул всю комбинацию. Россия отказывается от займа Китаю, за это Пекин предоставит ей «навсегда» Порт-Артур как военную гавань, а Даляньвань – в качестве конечного пункта Сибирской железной дороги⁸⁶. То есть, если идея ввести русские суда на рейд этих двух китайских портов для последующего торга с Пекином принадлежала М.Н. Муравьёву, то мысль надолго обосноваться на Ляодунском полуострове должна быть занесена «в актив» С.Ю. Витте.

Впрочем, министр иностранных дел и сам подумывал о чём-то подобном. Ещё 8 (20) января 1898 г. он предложил А.И. Павлову «весьма осторожно» вступить с китайцами в переговоры об аренде ляодунских портов Россией, убеждая их, что после ухода русских судов оттуда их всё равно «откроют

---

⁸³ А.И. Павлов – в МИД 14 (26) и 19 февраля (3 марта) 1898 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1898 г. Д.81. Л.34–35, 38.

⁸⁴ Министр иностранных дел Франции Г. Аното высказал российскому послу А.П. Моренгейму мнение, что противодействовать английскому займу Китаю очень важно и надо изо всех сил давить на Пекин (А.П. Моренгейм – в МИД 14 (26) января 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.209. Л.13).

⁸⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 9 (21) января 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.871. Л.90–91.

⁸⁶ Проект докладной записки С.Ю. Витте 14 (26) января 1898 г. // Там же. Л.105–106 (машинописный экземпляр), 107–113 (автограф).

англичане»⁸⁷. Однако уже 14 (26) января 1898 г. М.Н. Муравьев отверг предложение министра финансов. Он ответил ему, что после общения с дипломатами на приеме решил, что переговоры с Англией станут возможными лишь после того, как китайский займ уже будет отдан России⁸⁸. Это означало, что министр иностранных дел отклонил идею закрепить за собой Порт-Артур и Даляньвань⁸⁹. В ответ обидевшийся С.Ю. Витте лишь напомнил, что он выступал против захвата силой Порт-Артура и Даляньваня⁹⁰. Тем не менее, министр финансов настоял на своём: 5 февраля 1898 г. Николай II утвердил условия отказа России от китайского займа. Среди них были срочная аренда Порт-Артура и Даляньваня и строительство железной дороги к ним⁹¹.

8 (20) февраля 1898 г. посланник в Пекине А.И. Павлов получил из Петербурга распоряжение не препятствовать займу Китая у Англии при условии, если России предоставят возможность пользоваться Порт-Артуром и Даляньванем при сохранении верховных прав на них за Пекином⁹². 11 (23) февраля 1898 г. ему послали согласованное между министрами распоряжение уже прямо добиваться не только аренды Квантунского полуострова, но и концессии на железную дорогу к нему⁹³. Чтобы руководители Поднебесной вели себя посговорчивее, Николай II пригрозил китайскому посланнику Сюй Цычену, что с наступлением весны русские

⁸⁷ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.198.

⁸⁸ М.Н. Муравьев – С.Ю. Витте 14 (26) января 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.871. Л.114.

⁸⁹ Днём 14 (26) января М.Н. Муравьев встречался с английским послом Н. О'Конором. Разговор шёл, в частности, о требовании Лондона открыть свободный доступ в Даляньвань (но не в Порт-Артур). Министр в ответ опять рассуждал о том, что Россия ищет себе незамерзающий порт (что, кстати, признавалось в Англии основательной причиной действий) в устье р. Ялу. Но так как у него не было ясного представления, удастся ли Петербургу найти там подходящую гавань, то от каких-либо конкретных обещаний относительно Даляньваня М.Н. Муравьев уклонился (Н. О'Конор – Р. Солсбери 26 января 1898 г. // ПРО FO. 65/1552. P.72–73).

⁹⁰ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьеву 15 (27) января 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.871. Л.120–121. Чуть позже министр финансов забеспокоился и задал Д.Д. Покотилкову вопрос: «Я бы очень желал знать, правда ли, что мы заняли Артур, Даляньвань по приглашению Китая, как здесь уверяют, или это сделано против желания Китая» (С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилкову 27 января (8 февраля) [1898 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.68. Л.32). Понятно, что если бы это было «против», то министру финансов следовало бы всячески скрывать сам факт его предложения.

⁹¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.201–202.

⁹² РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.127–128; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.203. Эта телеграмму послали без участия С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф сообщил ему текст на следующий день, 9 (21) февраля 1898 г. (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.126).

⁹³ РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.209. Л.23–26.

суда из Порт-Артура «могут случайно отправиться в открытое море», и их отсутствием «тотчас же воспользуется какая-либо из великих держав». Избежать этой «случайности» можно было лишь заключив договор об аренде двух портов на Ляодунском полуострове⁹⁴. С.Ю. Витте выразил полную готовность действовать в духе нового курса. Он также поддержал некоторые новые условия, не содержащиеся в его прежнем предложении: Россия настаивает на немедленном заключении соглашения об аренде и о концессии, в противном случае – отказывается выполнять договор 1896 г. (т.е. оборонительное соглашение против Японии)⁹⁵.

А.И. Павлов сразу предупредил Петербург: Китай станет сопротивляться, поэтому не будет спешить с переговорами. России же, ожидая их результата, надо действовать: обустроить порты, изыскивать средства для сооружения железной дороги и т.д., чтобы «дать ясно понять Китаю, что мы смотрим на подписание окончательного соглашения как на простую формальность, не могущую изменить сущность дела»⁹⁶.

Первая встреча А.И. Павлова в цзун-ли-ямыне состоялась 19 февраля (3 марта) 1898 г. Дипломат потребовал, чтобы китайские сановники решили вопрос в пять дней, а все формальности были утрясены к 15 (27) марта⁹⁷. Опасения посланника быстро подтвердились: китайцы, несмотря на то, что их поразила решительность России, тем не менее, тянули дело, обращаясь «в иностранные посольства с просьбой о помощи против России»⁹⁸. Пока Пекин сопротивлялся, в Петербурге активно разрабатывали условия соглашения. Их вынесли на обсуждение Особого совещания 24 февраля (8 марта) 1898 г.: какие границы должны быть у арендуемой территории (от порта Адамс до бухты Бицзыво), у нейтральной зоны (от Инкоу до устья реки Удаохэ). Для подкрепления своих требований и демонстрации решительности участники совещания сочли необходимым перебросить из Владивостока в Порт-Артур батальон пехоты, четыре орудия и взвод казаков⁹⁹. На основании решений Особого совещания А.И. Павлову была направлена инструкция. Россия хотела заключить договор об аренде Ляодунского полуострова сроком на 25 лет с предоставлением ей всех прав по управлению арендуемой территорией. Сразу решили, что военное и гражданское управление на Ляодуне сосредоточится в руках одного лица

⁹⁴ В.Н. Ламздорф – А.И. Павлову 11 (23) февраля 1898 г. // Там же. Оп.28. Д.81. Л.9–10.

⁹⁵ Там же. Д.766. Л.133–135.

⁹⁶ А.И. Павлов – в МИД 16 (28) февраля 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.310–312.

⁹⁷ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 19 февраля (3 марта) 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.142.

⁹⁸ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 21 и 24 февраля (5 и 8 марта) 1898 г. // Там же. Л.143, 145–146.

⁹⁹ Заключения Особого совещания 24 февраля (8 марта) 1898 г. // Там же. Д.81. Л.29.

(с полномочиями генерал-губернатора). Порт-Артур предполагалось превратить в закрытый военный порт, а Даляньвань – в открытый торговый. От Китая также требовалось предоставить концессию на железную дорогу от основной линии КВЖД на Ляодун¹⁰⁰. Для успокоения китайцев Николай II просил В.Н. Ламздорфа также побеседовать с посланником Сюй Циченом, «что все наши требования клонятся к общей выгоде Китая и нашей и общей безопасности. Что нужно Китаю верить нам и не следует слушать наветов наших врагов. О разделе Китая и речи быть не может!»¹⁰¹

Несмотря на все увещевания, Пекин продолжал выжидать. 28 февраля (12 марта) 1898 г. А.И. Павлов предъявил цзун-ли-ямыню ещё один ультиматум: дать ответ не позднее 2 (14) марта. К этому сроку Пекин объявил, что в принципе удовлетворит большинство требований России, за исключением Порт-Артура, который китайцы хотели сохранить за собою¹⁰². Д.Д. Покотилов объяснил поведение мандаринов: они тянули время, жалуясь на Россию Англии и Японии и пытались получить у них уверение, что в случае ухода русских из Порт-Артура их суда не войдут в этот порт. Однако этот ход не удался, несмотря на то, что Пекин действовал в тесном контакте и согласно рекомендаций британских дипломатов¹⁰³. К 8 (20) марта император лишь назначил уполномоченных для переговоров с Россией – Ли Хунчжана и Чжан Инхуана. Возможно, в своём упорстве Пекин надеялся на опыт отношений с немцами: Германия не только освободила большую часть занятой ей территории вокруг Киао-Чао, но и объявила этот порт открытым. А.И. Павлов предлагал усилить давление: «Пока фактически не займём намеченную территорию, до тех пор не добьёмся удовлетворительного решения»¹⁰⁴. Николай II согласился с предложением («Я думаю, он прав»).

Неожиданно 11 (23) марта 1898 г. китайцы прекратили сопротивление и приняли в основном русские требования, включая аренду Порт-Артура. Их пожелания сводились к некоторым частным вопросам: чтобы на арендуемой территории не было русского губернатора или генерал-губернатора, чтобы железная дорога не предусматривала полосы отчуждения, чтобы в концессию не входил город Цзиньчжоу и, наконец, чтобы Россия уплатила за переходящие ей портовые сооружения 3 млн. лан (большинство требований, за исключением последнего, не были удовлетворены). Д.Д. Покотилов объяснял неожиданную

¹⁰⁰ Проект телеграммы А.И. Павлову 25 февраля (9 марта) 1898 г., одобренный Николаем II 27 февраля 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.128. Л.11–12.

¹⁰¹ Записка Николая II В.Н. Ламздорфу 27 февраля (11 марта) 1898 г. // АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.168. Л.2.

¹⁰² Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 2 (14) марта 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.81. Л.37.

¹⁰³ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 3 (15) марта 1898 г. // Там же. Л.39–41.

¹⁰⁴ А.И. Павлов – в МИД 7 (19) марта 1898 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1898 г. Д.81. Л.44–45.

покладистость Китая встречей Ли Хунчжана и Чжан Инхуана с императором Гуаньсюем, которая состоялась 10 (22) марта. Ли Хунчжану якобы удалось убедить богдыхана, что Россия не имеет плохих замыслов против Китая¹⁰⁵. Для того, чтобы аргументы китайского сановника были максимально убедительными, 9 (21) марта Д.Д. Покотилов сообщил в Петербург, что он пообещал китайским уполномоченным уже по 500 тыс. лан каждому за подписание договора¹⁰⁶. Сыграло ли это обещание важную роль? Скорее всего, нет. Можно представить себе аргументацию китайских уполномоченных, которую они могли представить богдыхану, если бы даже сами не сочувствовали заключению соглашения с Россией. Допустим, что Китай категорически отказался бы удовлетворить требование Петербурга. Тогда он вместо союза вступал бы с Россией в почти конфликтные отношения. Поддержки со стороны других великих держав Пекину ждать не приходилось: если английский представитель, приглашённый на заседание цзун-ли-ямыня, не возражал против уступки Даляньваня, предупредив министров, что в случае передачи Порт-Артура другие державы станут требовать себе аналогичных уступок, то французский представитель во всём поддержал Россию¹⁰⁷. Не говоря уже о Берлине, которого такое развитие событий совершенно устраивало. Выходило, что Китай не может рассчитывать на серьёзную помощь великих держав, скорее он мог столкнуться с новыми требованиями.

Соглашение об аренде Ляодунского полуострова сроком на 25 лет с правом строительства на нём военного и торгового портов было заключено 15 (27)

---

¹⁰⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 12 (24) марта 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.81. Л.55–58.

¹⁰⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 9 (21) марта 1898 г. // Красный архив. 1922. №2. С.290. Кроме того, С.Ю. Витте открыл чиновнику кредит ещё в 500 тыс. лан «на случай необходимости новых расходов по тому же делу» (Там же. С.291). Возможно, российские чиновники переусердствовали: уже в августе 1898 г. «взятоёмкость» китайских должностных лиц резко уменьшилась. Большинство из них стало отказываться от предлагаемых им взятки из-за боязни огласки (М.Н. Муравьёв – Ф.К. Авелану 25 августа (6 сентября) 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1711. Л.360). Некоторые, в том числе и высокопоставленные взяточники действительно пострадали: Чжан Инхуана арестовали и заключили в тюрьму, а его имущество описали. Тем не менее, он продолжал брать деньги от русских (телеграммы Д.Д. Покотилова С.Ю. Витте 9, 16 (21, 28) и 22 сентября (4 октября) 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.209. Л.96–98; Красный архив. 1922. №2. С.292–293). В результате у Д.Д. Покотилова получилась большая экономия: он сообщил министру финансов, что из выделенных ему 300 тыс. лан на «подарки» в Порт-Артуре будет израсходовано не более 60 тыс. (телеграмма Д.Д. Покотилова С.Ю. Витте 17 (29) августа 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.209. Л.90).

¹⁰⁷ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 13 (25) марта 1898 г. // Там же. Оп.28. Д.81. Л.61. Чуть позже уступки на юге Китая были также сделаны французам.

марта 1898 г.¹⁰⁸ В этот же день китайцы начали покидать полуостров. 16 (28) марта (ещё до ратификации конвенции богдыханом, которая состоялась 20 марта (1 апреля)) по распоряжению царя Ф.В. Дубасов начал высадку русских войск в Порт-Артуре и Даляньване, поднимая везде русские флаги¹⁰⁹.

МИД призывал вести себя мягче и осторожнее, чем это хотелось военным. Впрочем, это не означало слишком предупредительного отношения ко всевозможным просьбам Пекина, которые редко удовлетворялись. М.Н. Муравьев требовал от моряков быть максимально обходительными с иностранцами¹¹⁰. Сам он немедленно заверил англичан, что русские откроют Даляньвань для международной торговли¹¹¹. Министр иностранных дел также обещал удовлетворить просьбу Пекина о представлении городу Цзиньчжоу автономного управления и не размещать там русский гарнизон. Однако командование эскадры отказались сделать это из-за военно-стратегических соображений. Военные вообще вели себя слишком жёстко, а иногда и грубо. Ф.В. Дубасов, например, препятствовал поездке мукденского цзянь-цзюня в Цзиньчжоу, которая, по его мнению, не вызывалась никакими важными соображениями. А.И. Павлов полагал, что китайскому чиновнику следовало, наоборот, оказать любезный приём, в чём дипломата поддержал Николай II¹¹².

Занятие Ляодунского полуострова не решило всех проблем. Так, Порт-Артур не нравился морякам. Он в принципе не подходил в качестве главной базы флота, так как находился далёко от Корейского пролива и японского побережья, поэтому не защищал Корею и не мог препятствовать высадке японцев на континент. Обследование бухты, проведённое несколько раз, показало, что она имела ряд серьёзных неудобств: ветер на внешнем рейде был такой силы, что требовал устройства обширного волнореза¹¹³; глубина внутренней бухты оказалась недостаточной, поэтому судам с осадкой свыше 25 футов следовало находиться на внешнем рейде под сильным ветром. Для улучшения порта требовалось реализовать большую программу мероприятий: углубить рейд, прорыть второй выход из бухты, соорудить два мола – это не считая чи-

¹⁰⁸ Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове 15 (27) марта 1898 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.309–312.

¹⁰⁹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 16 (28) марта 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.184.

¹¹⁰ М.Н. Муравьев – Ф.К. Авелану 1 (13) апреля 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1711. Л.3.

¹¹¹ Н. О'Конор – Р. Солсбери 13 марта 1898 г. // PRO FO. 65/1552. P.247.

¹¹² М.Н. Муравьев – П.П. Тыртову 31 мая (12 июня) 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1711. Л.246–247.

¹¹³ [Копия телеграммы об обследовании Порт-Артура Коноваловым и Илинским], б/д. // РГИА. Ф.721. Оп.1. Д.31.

сто технического обустройства порта, в котором практически ничего не было, и мер по его военной защите (гарнизон в 12 тыс. человек и до 350 артиллерийских орудий). Это обещало значительные затраты, примерно в 13,5 млн. руб.¹¹⁴ И всё же, признавая важное значение этой китайской гавани и предполагая его реконструкцию, моряки продолжали настаивать на приобретении пристани в Корее. Командующие тихоокеанской эскадрой Е.И. Алексеев, а затем и Ф.И. Дубасов обследовали целый ряд бухт и нашли оптимальным вариантом Мазанпо (юго-восточная часть корейского побережья) либо остров Кожедо (Каргодо)¹¹⁵.

Аренда 2784 кв. вёрст китайской территории с населением в 250 тыс. человек стали весьма неоднозначным приобретением России, также требовавшим значительных расходов на обустройство. На полуострове практически отсутствовали дороги, катастрофически не хватало питьевой воды (её брали только из немногочисленных колодцев)¹¹⁶. Местное население в результате хозяйственной деятельности обильно загрязнило почву, в ней содержалось большое количество разлагающихся бытовых отходов. Не лучше был и климат: высокая температура летом сочеталась с очень влажным воздухом. Каменные постройки становились сырыми, покрывались плесенью. Жить в палатках оказалось невозможно из-за сильной жары, приводившей даже к солнечным ударам. Жаркий и влажный климат и антисанитария способствовали частым эпидемиям дизентерии и брюшного тифа среди местного населения¹¹⁷. Городок Порт-Артур с 4 тыс. жителей вырос за 30 лет на месте деревушки Люшйкоу и по большому счёту мало отличался от неё, сохраняя грязь, зловоние и нищету небольшого китайского поселения. На месте будущего коммерческого порта находилась деревня Даляньвань, состоящая из одной улицы и нескольких казённых построек, главной из которых был минный городок. Бухты также имели многочисленные неудобства. Порт Даляньвань был мелководен, при юго-восточном ветре в его акватории начиналось сильное волнение, из-за которого большие суда приходилось оставлять далеко от берега, а сообщение с ними прерывалось¹¹⁸. Кроме того, само расположение гавани оказалось не вполне удачным. Чтобы её благоустроить, понадобилось соорудить широкий

---

¹¹⁴ Всеподданнейшая записка великого князя Алексея Александровича [8 (20) марта 1899 г.] // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2119. Л.6–8.

¹¹⁵ Памятная записка министра иностранных дел, составленная по результатам разговора с Е.И. Алексеевым. Доложена Николаю II 9 (21) ноября 1899 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.128. Л.48–52; Русско-японская война 1904–1905 гг. С.81–84, 181–192.

¹¹⁶ Самойлов [В.К.] Описание занятой нами территории на Ляодунском полуострове. СПб., 1899. С.219–222, 248–250.

¹¹⁷ Там же. С.189–190.

¹¹⁸ Там же. С.22.

мол, выдвинутый в море. Из-за открытости мола на него пошла сильная волна, представлявшая собой реальную опасность для морских судов. Дабы устранить её, сконструировали волнорез: волны не стало, но зимой бухта начала покрываться льдом. Пришлось в довершение всего делать ледоколы и вычерпывать лёд¹¹⁹. С.Ю. Витте же, не обращая внимания на трудности, стремился к максимально быстрым темпам развития Квантуна. Согласно его планам предполагалось, что в скором времени население Дальнего достигнет 400 тыс. человек, невзирая на сильный дефицит питьевой воды, нормальной почвы, леса, и т.п., а сам город станет крупнейшим торговым центром всего Дальнего Востока¹²⁰. Разумеется, ничего этого не случилось.

Захват Ляодуна поставил вопрос и о направлении КВЖД. Здесь С.Ю. Витте неожиданно встретил сопротивление со стороны нового (с 1 января 1898 г.) военного министра А.Н. Куропаткина, который начал вмешиваться в строительство магистрали. В конце апреля 1898 г. генерал на всеподданнейшем докладе добился повеления Николая II в адрес С.Ю. Витте ускорить строительство трассы по Ляодуну до Инкоу, хотя договор с Китаем об этой ветке был подписан в Петербурге только 24 июня (6 июля) 1898 г.¹²¹ Примерно в это же время А.Н. Куропаткин выступил за включение бухты Би-цзы-во как одной из точек, рядом с которой пройдёт железная дорога. Он сумел получить согласие царя, хотя это решение выходило за рамки соглашения о КВЖД. М.Н. Муравьёв, узнав об этом из письма военного министра, только с помощью С.Ю. Витте добился у Николая II отмены этого решения¹²². Нарастание разногласий по поводу политики России в Китае не могло не тревожить, однако тогда этому не придали большого значения.

Нельзя дать однозначную оценку захвату Порт-Артура и Даляньваня и последующему заключению договора об аренде Ляодунского полуострова. Да, с одной стороны, Россия наконец получила незамерзающий порт, но с другой, моряки оставались не вполне довольны приобретением и по-прежнему присматривалась к гаваням на корейском побережье. Несомненно, что эта история явилась важным переломным пунктом в политике Петербурга рубежа XIX–XX столетий. Действия М.Н. Муравьёва показали, что монополии С.Ю. Витте на дальневосточные дела пришёл конец, кроме министра иностранных дел, в ней активное участие принял военный министр А.Н. Куропат-

---

¹¹⁹ Торгашев П.И. Авантюры на Дальнем Востоке. Из-за чего мы воевали с Японией. М., 1907. С.210–211.

¹²⁰ Тиреер. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. №3. С.191.

¹²¹ Записка «По вопросу о расширении предприятия общества КВЖД» 18 (30) декабря 1898 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.162. Л.1–1 об.

¹²² АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1554. Л.2–8.

кин, а затем и безобразовцы. Но едва ли не самым важным стал фактический крах виттевской мирной экономической экспансии и тот тупик, в который она зашла к концу 1897 г.: после японо-китайской войны 1894–1895 гг. правители Поднебесной пришли в себя от страха и перестали отступать. По сути М.Н. Муравьев оказался прав – чтобы добиться от Китая дальнейших уступок, нужны были новые, силовые рычаги давления. Наконец, обстоятельства захвата Порт-Артура и Даляньваня не подтверждают справедливость обвинений С.Ю. Витте в адрес М.Н. Муравьева: «славу» и ответственность за договор об аренде Ляодунского полуострова министру финансов следует разделить с главой внешнеполитического ведомства как минимум пополам.

6.2. После Порт-Артура

В целом, к лету 1898 г. казалось, что дела России на Дальнем Востоке идут как нельзя лучше. В ответ на договор об аренде Ляодуна англичане пробовали протестовать, требуя предоставления себе на таких же условиях порта Вэйхайвэй, но Пекин уклонился, заявив, что пока там японцы, разговора об аренде быть не может¹²³. Англия сталкивалась в Китае со всё новыми проблемами. Так, летом 1898 г. Лондон безуспешно протестовал против бельгийского синдиката (за которым стояли французы), получившим концессию на железную дорогу Пекин–Ханькоу. Она стала поводом для увольнения Ли Хунчжана из цзун-ли-ямыня 26 августа 1898 г. – за то, что он скрыл от богдыхана ноту английского посланника при представлении ему контракта на эту трассу¹²⁴. Впрочем, для Ли Хунчжана эта опала оказалась недолговременной, так как в Китае произошли важные внутривнутриполитические события.

«Эпидемия» аренды портов иностранцами, сильное давление западных держав и вынужденные значительные уступки им Пекина вызвали в Китае внутривнутриполитический кризис. Старая элита как явно не справлявшаяся с вызовами времени попала под огонь критики, к власти в Поднебесной пришли реформаторы во главе с Кан Ювзем. Их лидер в 1898 г. получил доступ к императору Гуаньсюю и убедил его инициировать целую серию преобразований в управлении и образовании по японскому образцу. В результате наметилось противостояние реформаторов и «маньчжурской партии» из старых чиновников во главе с императрицей Цыси (князь Цин, Жун Лу и др.). Вопрос о реформах осложнялся ещё и тем, что Кан Ювэй открыто симпатизировал японцам. Но сближение с Токио не состоялось. 29 августа 1898 г. в Пекин прибыл Х. Ито с проектом японо-китайского союза. Однако двор принял его холодно,

¹²³ Японцы покинули Вэйхайвэй 11 мая 1898 г. Там сразу же были подняты китайский и британский флаги: Лондон получил этот порт на правах аренды.

¹²⁴ А.И. Павлов – в МИД 27 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1898 г. Д.81. Л.112.